

«ПОНЯТИЕ «РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА»: ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»*

Аннотация. Статья содержит теоретико-политологический анализ современной разработки понятия «российская диаспора» и проблем, возникающих в трактовке этой дефиниции.

Ключевые слова: российский народ, российская диаспора, русский мир, российское социокультурное пространство.

Несмотря на то, что с момента актуализации проблемы российской диаспоры и диаспоральной политики России, пик которой пришелся на вторую половину 90-х гг. прошлого столетия, отечественным экспертным сообществом, политологами, обществоведами пройден значительный путь, результируемый солидным багажом научных работ и полемики материала, современное состояние вопроса, как в академическом, так и в практическом контексте, далеко от завершенности.

Автор далек от мысли, что ему удастся в не-большом сочинении окончательно расставить все точки над «i». Однако очередная попытка анализа точек зрения, позиций в этой теме, думается, поможет определить тупиковые и перспективные направления ее разработки.

Понятие «российская диаспора» тесно связано с другой научной, и даже цивилизационной, проблемой, выходящей на общий историко-культурный пласт национальной идеи. Речь идет, по сути, о формировании основания российского социума, важнейшей составляющей которого является верный ориентир в определении содержания фундаментальной дефиниции – «российский народ». Этот общественный феномен представляет собой необходимый гносеологический посыл в исследовании его диаспоральных производных.

Мировоззренческий вопрос социальных характеристик, качественных черт и содержания понятия «российский народ» далеко не только предмет научных дискуссий, но, прежде всего, инструмент политического противоборства. Поэтому спектр имеющихся на него ответов настолько широк, насколько широка палитра современных взглядов российского политического истеблишмента. Например, вполне предсказуемо выглядит позиция евроцентристов и «ультралибералов», которые вслед за своими западными учителями утверждают, «если нет демократии и гражданского общества, а есть подданные в путинской Рос-

сии, то нет и российской нации» [1].

Общая логика политического развития страны в начале 90-х гг. прошлого столетия в сторону «местечковых суверенитетов» дала благодатную почву для представления о российском народе как конгломерате наций, входящих в состав государства, исключающее главное содержание «российскости», или, другими словами, то, что позволяет идентифицировать эту историческую общность [2].

Созвучна с идеями этнонационализма и точка зрения сторонников «доминирования» титульной русской нации.

На необходимость учета постсоветской реальности с новым «мононациональным» статусом России и «этнизацией сознания русских» указывает профессор МГУ А.С. Барсенков. Из логики его рассуждений прямо следует вывод о том, что в этих условиях рассчитывать, что «русские удовлетворятся лишь “российской идентичностью” не приходится. Игнорирование этого обстоятельства ведет к тому, что объективно возникающие в межнациональной сфере противоречия неизбежно разрешаются через конфликты, неконтролируемые и порой весьма острые» [3; 63].

Забывать о нации и расчистить пространство для признания «российской гражданской нации» призывает бывший министр по национальной политике, а ныне глава профильного академического института В.А. Тишков [4].

Еще в середине 1990-х гг. он сформулировал положение о национальном устройстве России. «Россия – это национальное государство россиян, – писал он, – в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством» [5; 1, 3].

Таким образом, понимая российский народ как «историческое целое» и как «гражданскую нацию» [6; 1], исследователь выделяет следующие признаки российской диаспоры: отсутствие этнической актуальности; «единство на основе главной культурной отличительной черты – русского языка»; социокультурная идентичность, необходимым условием генерации которой является наличие «интеллектуалов как производителей субъектных представлений» и гуманитарно-политическая связь с Россией [7].

Исходные моменты научной концепции

* © Чибисов О.В.

дают основание автору считать тождественными термины «Русский мир» и «российская диаспора», объединяемых единым культурным фундаментом с русской культурной доминантой и, наоборот, отличать понятия «российских соотечественников».

Широкое использование недавно вышедших в правое поле и официальную лексику терминов «российские соотечественники» и «Русский мир» требует специально остановиться на трактовке этих понятий.

Актуализация первого связана с тем, что российский диаспоральный процесс, несмотря на богатый исторический путь материнского государства, находится в зачаточном состоянии, а в ближнем зарубежье дополнительно ко всему испытывает трудности, связанные с несовершенством социальных систем. В связи с этим возникает вполне обоснованное противоречие между благими устремлениями принять в лоно формирующейся российской государственности всех тех, кто является или может потенциально стать субъектом диаспоризации и реальностью российской идентификации. Попытка концептуализации, пока не определенной в своих качественных чертах общности россиян за рубежом, приводит к появлению аморфных в правовом и академическом смысле дефиниций. О несовершенстве и ущербности для правового поля понятия «соотечественник» говорят непрекращающиеся дискуссии о его трактовке и правоприменении.

Еще более высокий уровень абстрагирования от политической практики предполагает другой часто употребляемый термин – «Русский мир». Его рождение и политическое звучание подкреплено официальной декларацией и организацией одноименного фонда «Русский мир».

Логично, что в рамках своего умозаключения о российском народе В.А. Тишков склонен видеть в понятии «Русский мир» ту историческую общность, которая традиционно описывается концепцией «диаспоры». Однако, как показала практика, к кругу, очерченному «Русским миром», относят себя далеко не только представители российской диаспоры или соотечественников, но все приверженцы и почитатели русской истории, культуры и традиций, например, ректор Университета иностранных языков из индийского Хайдарабада Абхай Морье, казахский поэт Олжас Сулейменов, президент Информационной корпорации из США Пол Ричардсон, итальянский публицист и писатель Г. Стюарт и т.д.

Наверное, было бы опрометчивым отказывать им в этой самоидентификации.

Таким образом, введение в научный и политический оборот термина «Русский мир», прежде всего, целесообразно для продвижения положительного имиджа и международного авторитета

России и привлечения к ее цивилизаторской миссии максимально широкого круга сторонников.

В научном плане вполне продуктивной выглядит концепция «Русский мир» как «культурно-цивилизационное образование, к которому относится почти треть миллиарда человек, проживающих на разных континентах», активно продвигаемая исполнительным директором фонда «Русский мир» В.А. Никоновым [8; 26, 27].

Наиболее продуктивной, на наш взгляд, концепцией российского национального устройства и вытекающей из нее позиции относительно определения содержания понятия российской диаспоры является точка зрения А.И. Вдовина и В.А. Корецкого.

«Российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, – пишут авторы, – а российская нация – русскому и другим народам России... Русская идея сегодня – это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов» [9; 360].

Объединяющим, интегрирующим началом и источником российской идентичности исследователи считают универсальную систему ценностей, генерируемую русским народом.

«Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл – в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы Российской государственности, способов совместного преодоления кризисов, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства» [10; 360, 361].

Важные характеристики «российской диаспоры» как общественного феномена прямо вытекают из его мобильного состояния. При этом направления диаспоральной эволюции обусловлены как факторами социально-политической среды страны «исхода», так и страны «пребывания».

Процесс формирования российской диаспоры в странах СНГ имеет свою специфику. Во-первых, ее генерация происходит на фоне рождения «новых молодых» наций, сопровождаемого проявлениями крайнего этнонационализма. Не говоря о центрально-азиатских республиках, примеров тому достаточно даже в новейшей истории Украины с родственными, историческими корнями и этнической принадлежностью, населением. Во-

вторых, переходный период социально-экономического строя бывших союзных республик обуславливает большую дистанцию в адаптационном потенциале различных групп «диаспорального материала».

Неоднородность российской диаспоры в странах СНГ позволила Н.В. Калининой сделать вывод о том, что «по социальному статусу российскую диаспору в странах СНГ сегодня условно можно разделить на три большие группы» [11; 20]. И хотя, на самом деле, социальная структура российской диаспоры значительно сложнее, принятая Н.В. Калининой генерация отражает основные страты русскоязычного населения.

«К первой, самой многочисленной, – по мнению автора, – следует отнести представителей социально уязвимых слоев населения (одинокое пенсионеры, многодетные и неполные семьи, инвалиды и т.д.).

Ко второй можно отнести людей, тесно связанных с государствами нынешнего проживания (состоящие в смешанных браках, имеющие постоянные источники дохода).

Третью, весьма немногочисленную категорию составляют лица, принадлежащие к числу политического истеблишмента или интеллектуальной элиты своих стран, занимающие прочные позиции в сфере бизнеса (государственные чиновники высокого ранга, политики, руководители крупных хозяйствующих субъектов, видные деятели науки и культуры и т.д.). Но число таких людей крайне невелико, как правило, они сознательно дистанцируются от России (занимающие высокие государственные посты порой проводят даже более жесткую антироссийскую линию, чем представители титульной нации), дабы не быть обвиненными в нелояльности к государствам гражданства» [12; 20, 21].

Указанные обстоятельства, помимо всего прочего, определяют значительную вариативность сценариев социально-политического поведения русскоязычного населения, а, следовательно, и позиции в диаспоральной интеграции. Поведенческий спектр российских соотечественников в странах СНГ соответственно выглядит следующим образом: ригористическое противостояние титульному национализму; желание мигрировать на историческую Родину; спокойное отношение к ассимиляции и превращению в материал построения постсоветской нации с доминантой коренного населения; позиция за активное проявление российской субъектности в стране проживания.

Понятно, что при таком разбросе в жизненных ориентирах наших соотечественников, говорить о возможности увидеть в ближайшее время сплоченную и организованную российскую диаспору в странах СНГ не приходится.

В свете вышесказанного, определение российской диаспоры как формирующегося организма, данное И. Ивановым, представляется достаточно убедительным.

«Российская диаспора, – пишет он, – рассматривается не просто как часть народа, проживающая за пределами современной России, имеющая с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящаяся к поддержке разнообразных контактов с исторической Родиной, но как транснациональная сеть, находящаяся в стадии становления, пока не содержащая социокультурный, общественно-политический и экономический потенциал» [13; 32].

Социально-политическая гетерогенность российской диаспоры в странах СНГ неизбежно порождает множественность ее организационных форм с несовпадающими целевыми мотивациями и установками.

Отсутствие выраженных признаков, совпадающих с классическим определением диаспоры, дает основание исследователям отказывать российским соотечественникам в странах СНГ в диаспоральной конституционализации. «Положение российских соотечественников в республиках бывшего СССР не может быть описано с помощью концепции диаспоры, – пишет А.А. Князев. – Нельзя определять как диаспору любую группу лиц определенной этнической (и/или конфессиональной) принадлежности, если у них нет функционально выраженного внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности» [14; 12, 13].

Отказ в концептуализации российской диаспоры в ближнем зарубежье отечественными исследователями направлен в сторону положительного разрешения политической и академической проблемы. Ее полноценное диаспоральное содержание авторы связывают с нарастающим потенциалом самоидентификации русскоязычного населения СНГ и диаспоральной политики России.

Совсем иную тональность имеют суждения некоторых западных обществоведов. Введение в научный оборот самого понятия «российская диаспора» они связывают исключительно с желанием России «отодвинуть свои административные границы», «политически утвердиться в постсоветском миропорядке». Вот, что пишут по этому поводу представители западной науки Х. Пилкингтон и М. Флинн: «Запущенная “сверху” “диаспоризация” привела к тому, что термином “диаспора” стали активно оперировать в политическом и публичном дискурсе, причем без предварительной четкой его спецификации, в чрезвычайно широком значении, охватывающем все и вся» [15; 11].

Одним словом, эта точка зрения сводится к

выводу о том, что проблема российской диаспоры в странах СНГ инспирирована политическими амбициями России и не имеет под собой ни практического, ни академического основания.

Таким образом, российская диаспора остается предметом научных исследований и нескончаемых дискуссий. Несмотря на то, что в направлении изучения этой общности пройден достаточно сложный путь, имеющий свои достижения и результаты, остается неясным и потенциально полемическим большое количество вопросов: механизма консолидации диаспоры, институциональных качеств коммуникативных, трансграничных и внутрдиаспоральных свойств и т.д. Отсутствие устоявшейся точки зрения на эту проблему не является следствием обнаружения исследователями непознаваемого феномена или его существования исключительно в научных абстракциях.

Такое положение дел обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. К субъективным следует отнести присутствие диаспоральной проблематики не только в академическом, но, прежде всего, в политическом пространстве, включенность в общий дискурс национальной и международной политики России. Объективной доминантой, определяющей процесс научного освоения темы, является динамичное состояние самого предмета исследования, которое, в свою очередь, опосредовано процессами, происходящими как в материнском государстве, так и в «принимающих» странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Э.А.Паин. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2004.
2. Р.Г.Абдулатипов. Принципы национальной политики. Вариант концепции для Российской Федерации. – М., 1994. И др.
3. А.С.Барсенков. К вопросу о факторах формирования современной русской идентичности в России // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008.
4. В.А.Тишков. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. – С. 3–26; он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.
5. В.А.Тишков. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. № 15.
6. В.А.Тишков. О российском народе и национальной идентичности в России // Бюллетень сети этнологического мониторинга. 2007. № 72.
7. В.А.Тишков. Новый и старый «русский мир» // Стратегия России. 2007. 28 мая.
8. Материалы конференции «соотечественники – потомки великих россиян (Итоговый стенографический сборник)». – М., 2008.
9. А.И.Вдовин, В.А.Корецкий. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество, XX к. – М., 1999.
10. Там же. С. 360–361.
11. Н.В.Калинина. Российская диаспоральная политика в странах СНГ: состояние и перспективы. – М., 2005.
12. Н.В.Калинина. Указ. соч.
13. Российские вести. Федеральный еженедельник. 2005. № 9(1764).
14. А.А.Князев. Этническая идентичность и организационные проблемы русских и русскоязычных общин в Киргизии и Центральной Азии // Русские в Киргизии. – Бишкек, 2008.
15. Х.Пилкингтон, М.Флинн. Чужие на родине(Исследование «диаспоральной идентичности» русских – вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2-3.

O. Chibisov

CONCEPT «THE RUSSIAN DIASPORA»: THE TEORETIKO-POLITOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. Article contains the teoretiko-politological analysis of modern working out of concept «the Russian diaspora» and the problems arising in treatment by this difinits.

Key words: Russia people, Russian diaspora, Russian world, Russia's socio-cultural space, Russian diaspora.